

Феномен моды в теоретической юриспруденции

М.Н. Козюк

доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы, кандидат юридических наук. Адрес: Российская Федерация, 400094, Волгоград, ул. Яснополянская, 19. E-mail: mkozuk@yandex.ru

Аннотация

Феномен моды присутствует не только в быту, но и в науке. Наиболее интересные работы по проблеме научной моды опубликовал отечественный социолог, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» А.Б. Гофман, на основе которых можно рассмотреть данное явление и в теоретической юриспруденции. По мнению автора статьи, в настоящее время в теории права модными являются различные концепты, которые напрямую не связаны с поиском научной истины. Рассматривая существующие «моды», автор довольно скептически оценивает их эвристический потенциал. Так, последовательно освещаются концепты, связанные с объявлением кризиса права, изобретением новых правовых явлений по принципу добавления прилагательного «правовой/ая/ое», критикой позитивизма в праве, проблемой понимания права, правовой политики и некоторые другие модные увлечения (мифологизация, утилитаризм). В подтверждение своих тезисов автор приводит примеры современных научных публикаций. Автор статьи также обращает внимание на одну из примет нашего времени — постоянные жалобы в выступлениях юристов-теоретиков на их не востребованность властью. И хотя в области правового регулирования общественных отношений постоянно фиксируется множество ошибок, которых можно было бы избежать при проведении настоящей научной экспертизы, однако законодатели зачастую игнорируют подобные формы связи с наукой, что приводит, в свою очередь к очередной моде — «утилитаризму» — необходимости ученых заниматься различного вида «отхожими промыслами»: написанием бесчисленных учебников и учебных пособий, «шпаргалок», курсов «теория государства и права за три часа» и т.п. мода в науке не является проблемой, угрожающей теоретической работе, однако она, будучи неконтролируемой, способна серьезно тормозить развитие научного знания, поскольку обладает рядом негативных свойств. Нужно ли моде противостоять? По мнению автора статьи, моду нужно изучать и отдавать себе отчет о процессах, происходящих в науке. Можно солидаризироваться с учеными, утверждающими, что, к сожалению, в теоретической юриспруденции тенденция саморефлексии не развита и к настоящему времени системная постановка науковедческих проблем в теории права отсутствует. Среди таковых особое место должны занять вопросы о критике и борьбе мнений в науке, свободе критики, недопустимости монополизма и догматизма.

Ключевые слова

теория государства и права, мода, кризис в праве, правовая политика, позитивизм, правовые мифы, критика в праве.

Библиографическое описание: Козюк М.Н. Феномен моды в теоретической юриспруденции // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. С. 219–234.

В последнее время в разных отраслях социальных наук исследователи обратили внимание на существование такого явления как интеллектуальная мода. Вообще-то мода сопровождает человека всю его историю, т.е. сам по себе феномен моды отнюдь не нов для социальной мысли и практики. Однако специфика современности заключается в том, что концепт моды был перенесен из мира бытового, где он долгое время находился, непосредственно в храм науки. Подлинным откровением стало утверждение, что концепт моды в социальных отраслях науки оказался продуктивным, позволяющим рассмотреть многие внутренние процессы развития научных знаний в новом свете. Дискурс «мода в науке», начинавшийся как легкий, даже фельетонный жанр, со временем стал вполне серьезным, отражающим развитие явлений, которые сейчас обозначают модными же понятиями: «тренды», «мейнстримы», концепты и т.п.

Наиболее интересные работы по проблеме научной моды опубликовал отечественный социолог, профессор Высшей школы экономики А.Б. Гофман. Начав разработку проблематики моды с ее социологического изучения¹, он от «социологии моды» впоследствии пришел к «моды в социологии»². В нескольких публикациях исследователь упорядочил и привел перечень модных на данный момент трендов в отечественной и мировой социологии, при этом снабдив их убедительными комментариями. Пользуясь его методической разработкой, вполне возможно выделить некоторые модные веяния и в сфере общетеоретической юриспруденции. Как это ни покажется странным, но понятие моды отражает процессы, происходящие на переднем крае науки. Поэтому прояснение моды в теоретической юриспруденции будет актуализировать основные содержательные процессы, проходящие в настоящее время.

Мода на кризисность юриспруденции

С конца первого десятилетия XXI века понятие «кризис» стало непременным участником всех представлений о современности. В основе этого был финансово-экономический кризис, и в полном соответствии с марксистским постулатом базис повлиял на надстройку. Кризисное сознание проникло в социальные науки³, в том числе в юриспруденцию.

Сама по себе проблема кризиса не является такой простой, какой ее представляют в толковых словарях как затруднительного или тяжелого положения. Дело в том, что многие социальные и биологические процессы предполагают фазу кризиса на пути к более высокому уровню. Как рождение нового общества в процессе революции, так и рождение ребенка предполагают кризисное состояние общественного и материнского организма. Поэтому ученый должен не только сокрушаться по поводу кризиса, но пытаться разглядеть в нем ростки нового. Для этого необходимо понимать суть происходящих процессов, их причины, условия протекания, ограничения и другие параметры. Сама же констатация «затруднений» выглядит «модной» позицией. Действительно, если сферу экономики или международных отношений поразил кризис, то чем юриспруденция хуже этих уважаемых сфер? Поэтому те проблемы, которые в обычное время выглядели

¹ Гофман А.Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. М., 2013.

² Гофман А.Б. Мода, наука, мировоззрение: о теоретической социологии в России и за ее пределами // Социологический ежегодник. 2009. Сб. научных трудов. М.: ИНИОН РАН, 2009.

³ Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение. Часть 1. М., 2011. Часть 2. М., 2012.

бы вполне рутинно (всегда есть проблемы и недостатки), начинают принимать грозные кризисные очертания⁴.

Общее состояние отечественной юриспруденции выглядит примерно следующим образом: «Туманные, размытые, богатые разнообразными смыслами формулировки действующего законодательства, пробелы Конституции свидетельствуют о системном кризисе не только конституционного права, но и всей юридической науки, которую можно назвать наукой лишь с большой натяжкой, поскольку качество объяснения, прогнозирования и управления, базирующегося на положениях юриспруденции, по меньшей мере, весьма низкое»⁵.

Как пишет Н.А. Власенко, «кризисные тенденции в праве приобретают системный характер, охватывают все новые моменты и грозят стать серьезной девальвацией данного института, без которого цивилизованное общество существовать не может»⁶. Это заявление одного из ведущих российских теоретиков права.

Плохо выглядит современная юриспруденция и в глазах Е.Г. Лукьяновой. В то время когда все сферы жизни российского общества показывают невиданный прогресс в стремлении влиться в мировую цивилизацию, наука, прежде всего, теоретическая юриспруденция «упорно сопротивляется качественному изменению и обновлению вопреки требованиям современности»⁷. Диагноз Власенко: «Разрушительная сила набирающих силу негативных закономерностей «вырождает» право изнутри и снаружи: во-первых, речь идет об утрате правом сущностных моментов и превращении его в «приказное средство» «серого российского» управления. И, во-вторых, такое право порождает, что во многом следствие вышесказанного, негативное отношение к нему, то есть правовой нигилизм»⁸.

Мода на определение «правовой/ая/ое»

Одним из ярких проявлений моды является языковая мода, под которой обычно понимают «специфическую форму проявления языковой культуры по средствам языковых привычек и вкусов, коммуникативных ценностей и тенденций, господствующих в каком-либо обществе в определенный период времени»⁹. В социальных науках, где язык имеет огромное значение, языковая мода также присутствует и может иметь большое влияние на развитие этой отрасли знания. Свои проявления языковая мода имеет и в

⁴ См. напр.: *Медушевский А.Н.* Кризис права как проблема теоретической юриспруденции / Право и общество в эпоху перемен М.: ИП РАН, 2008; *Филонова М.Б.* Кризис идеи государственного суверенитета: философско-правовой аспект // *Философия права.* 2010. №5; *Честнов И.Л.* Кризис рациональности права // *История. Право. Политика.* 2010. № 2. С. 38–46; Кризис юридической науки, в том числе и криминологии // *Российский криминологический взгляд.* 2010. № 3; *Баранов П.П.* Кризис юридической науки в современном мире // *Философия права.* 2015. № 1.

⁵ *Добрынин Н.М.* Юридическая наука и ее роль в становлении новых федеративных отношений: системный кризис, его причины и пути перехода на новый качественный уровень // *Государство и право.* 2007. № 1. С. 11.

⁶ *Власенко Н.А.* О кризисных тенденциях в праве // *Юридическая техника.* 2014. № 8. С. 40.

⁷ *Лукьянова Е.Г.* Состояние современной российской теории права в контексте развития // *Юридическое образование и наука.* 2014. № 1 // СПС КонсультантПлюс.

⁸ *Власенко Н.А.* Указ. соч. С. 45.

⁹ *Рипяхова М.М.* Языковая мода и ментальность: к вопросу о структуре и функциях языковой моды // *Язык и культура.* 2012. № 1–2. С. 226–227.

юриспруденции. Так, Н.А. Власенко, рассмотрев кризисное состояние отечественного права и призвав всех дать соответствующие рекомендации, решил и сам участвовать в этом деле: «В настоящее время также нужно ставить вопрос о *правовой кризисологии* как комплексном направлении в юридической науке, предполагающем изучение кризисных явлений в праве»¹⁰.

Таким образом, стремление создать словосочетание с определением «правовой» — бич отечественной юриспруденции. Стремлением к такого рода концептотворчеству страдают не только новички в науке, для которых «застолбить» новое понятие — это перспектива кандидатского оспеенения. Однако в этом участвуют и их маститые научные руководители, которые и сами не прочь иногда заявить новый концепт при помощи прилагательного «правовой». Конечно, в основе этого явления находятся, во-первых, междисциплинарность исследований, когда можно исследовать проблемы на «стыке» различных социальных сфер, таких как правовая экономика, правовая политика, правовое государство, правовая культура, правовая синергетика и т.д., и, во-вторых, действительно большой объем правовой сферы, когда собственно любое явление социальной жизни имеет отношение к праву и может получить определение «правовой/ая/ое». Все это объективные моменты. Модой они становятся, когда автор исследования, используя этот прием, вводит в сферу права явления с ним или несовместимые, или далеко от него отстоящие: правовой произвол, правовую антикультуру, правовое неправое и т.п. Кроме того, не всегда учитывается образность правового языка, которому отнюдь не чужды метафоры, сравнения, метонимии. В результате появляются: теневое право, правовое пространство, правовое поле.

Вообще, при использовании этого исследовательского приема следовало бы руководствоваться известной «бритвой Оккама», т.е. не умножать число сущностей сверх необходимой меры. Одним из правил в данном случае могло бы стать стремление избавиться от такого рода языковых «кентавров», если в результате их анализа выясняется, что исследуемое понятие является некачественным, т.е. не имеет своей сущности, а количественным, и прилагательное «правовой» только указывает на его принадлежность в каком-то отношении к правовой сфере.

Как отмечает Е.Г. Лукьянова, в современной науке происходит удвоение теоретико-правовых понятий: «Правовые средства, правовые инструменты, правовые стимулы, правовые ограничения, правовые режимы, правовые льготы, правовые поощрения, правовая идентичность, правовой инфантилизм, правовой идеализм (на одной из научных конференций обсуждался вопрос о введении в науку понятии «правовая антикультура») — какие реальные объекты, помимо известных, стоят за этими словами?»¹¹. В.В. Шаханов иронически пишет, что уже можно вывести формулу, своеобразное модельное определение: «Правовое (-ая, -ой) ... это самостоятельная научно-практическая категория, содержащая знания о средствах, способах и правилах создания ...»¹².

Мода на правовую политику

¹⁰ Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 53.

¹¹ Лукьянова Е.Г. Состояние современной российской теории права в контексте развития // Юридическое образование и наука. 2014. № 1 // СПС КонсультантПлюс.

¹² Шаханов В.В. Методологическая роль теории в юриспруденции: вопросы соотношения // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 2. С. 167.

Примером отмеченной выше моды может служить чрезвычайно популярный в последнее время концепт «правовая политика». Это направление теоретической работы появилось лет десять назад и к настоящему моменту выросло в одно из ведущих. Защищены несколько докторских и десятки кандидатских диссертаций, изданы десятки монографий и сборников статей. В них рассмотрена правовая политика в различных ракурсах и сферах. Так, исследованы: правовая политика в правотворчестве и правоприменении, льготная и поощрительная правовая политика, муниципальная правовая политика и правовая политика субъектов федерации, правовая политика как концепция и реальность и даже легитимность российской правовой политики. Между тем, несмотря на такую популярность концепта по вопросу о понятии и признаках правовой политики, «в литературе можно найти разные ответы»¹³. А.В. Малько, который много сделал для формирования и продвижения концепта правовой политики, дает следующее определение: «Правовая политики — это научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных органов и институтов гражданского общества по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры и правовой жизни общества и личности»¹⁴. В данном определении присутствует ряд оценочных неverified понятий, которые выводят определяемый объект из сферы реальности в более идеальные конструкции.

Действительно, как понимать «научную обоснованность» при всей противоречивости нашей науки, и что такое «цивилизованное использование юридических средств», и как наиболее полно обеспечить права и свободы человека и гражданина? Одно и то же явление в одно и то же время можно назвать правовой политикой, и можно оспорить такое определение. Сам автор концепции жалуется, что в последнее время весьма часто категорию «правовая политика» используют «к месту и не к месту». «Сейчас правовая политика становится своего рода *модным* (*курсив наш*), красивым термином, который зачастую употребляется без особой на то нужды. Например, немало уже защищено диссертаций, где термин «правовая политика» указывается в названии. Однако, по сути, анализ дается не столько правовой, сколько иной политики: социальной, религиозной и т.д., и т.п.»¹⁵.

Такое положение вполне можно объяснить. При создании понятийных конструкций с определением «правовой» обычно возникают две проблемы их интерпретации. Если новый объект является по своей природе имманентно правовым, то его понимание не вызывает затруднений. Если же он относится к иной сфере, а прилагательное «правовой» говорит только об одной из его сторон, в какой-то мере относящейся к праву, то конечно возникают большие трудности при его интерпретации, поскольку исследователю нужно полностью выдержать ограниченную область исследования и не выйти за ее пределы. Понятно, что политика как социальное явление не только не входит в сферу права, но часто с ним конкурирует. Отсюда очень важный момент в правовом дискурсе, имеющий давнюю традицию осмысления: право и политика или право и сила.

Интеллектуальная традиция правовой науки заключается в довольно осторожном подходе к политике, и даже в советское время для юридической науки считалось хо-

¹³ Малько А.В. Теория правовой политики. М., 2012. С. 28.

¹⁴ Там же. С. 42.

¹⁵ Там же. С. 72.

рошим тоном говорить «нет» практике, т.е. политике. Поэтому концепт правовой политики не мог возникнуть даже в советское время. Как отмечено А.В. Малько, «любая категория вводится в науку практически всегда «вовремя», т.е. тогда, когда для этого «созревают» соответствующие условия»¹⁶. И это не только интеллектуально-методологические условия. Поскольку теоретическая юриспруденция находится в сердцевине социально-политических проблем управления, то речь, прежде всего, идет о политико-идеологических условиях. То, что сейчас пытаются назвать правовой политикой, в советское время называлось государственной политикой, системными частями которой были организационные, правовые, финансовые и кадровые составляющие. Они часто имели правовую форму, но это никого не обманывало, суть оставалась политической. И разница в терминологии никого не смущала: то, что раньше было «все во имя человека, все для блага человека», а теперь стало «наиболее полным обеспечением прав и свобод человека и гражданина», по сути, не имеет больших отличий. Тем более что, как с сарказмом отметил В.П. Малахов: «Теория прав человека больше похожа на молитвенник, нежели на систему научно и идейно обоснованных утверждений, что-то существенное говорящих о действительности и предлагающих ей что-то посильное для осуществления»¹⁷.

Вместе с тем, действительно, существует аутентичная область правовой политики, о которой, собственно, и говорит А.В. Малько. Речь идет об, образно говоря, «правовом хозяйстве» — совокупности правовых средств, методов, технологий, приемов, режимов и т.п., которые для их эффективного использования должны всегда содержаться в порядке. Правовое хозяйство — проблема инструмента и средств, а как они будут использованы — «цивилизованно» или «нецивилизованно» — это, собственно, проблема не правовая, а политическая. Недостатки и ошибки в использовании концепта правовой политики заключаются в том, что исследователи то ли по своей недостаточной квалификации, то ли увлекшись перспективами использования концепта, постоянно переходят определенную черту и пишут не о правовой политике, а о государственной, что в техническом отношении чрезвычайно просто, поскольку здесь достаточно описать государственные мероприятия. Между прочим, такие работы несут в себе черты откровенного этатизма, так как право делается, как говорили ранее, «служанкой» политики. Это несколько удивительно, поскольку имеется и еще одна, следующая разновидность современной моды — моды на критику позитивизма.

Мода на критику позитивизма

Мода на критику позитивизма и его громогласное опровержение, как свидетельствует А.Б. Гофман, похоже, стала хронической для социальной науки: «При этом «позитивизм» давно уже превратился в своего рода Протея, принимающего самые разные обличья, так что идентифицировать его уже практически невозможно, и непонятно, о чем, собственно, идет речь, когда он решительно и бескомпромиссно отвергается»¹⁸. Если несколько упростить ситуацию, то правовым позитивизмом является методологический подход, при котором под правом понимается система правил поведения (норм), изданных или санкционированных государством, являющихся общеобязатель-

¹⁶ Там же. С. 69.

¹⁷ Малахов В.П. Миф о «человеке юридическом» // История государства и права. 2012. № 11. С. 31.

¹⁸ Гофман А.Б. О модах в современной теоретической социологии // Социс. 2013. № 10. С. 23.

ными, поскольку они защищены принудительной силой государства, и направленных на регулирование общественных отношений. Технически эти нормы выступают в составе нормативных правовых актов (законодательства) или иных источников, так или иначе аффилированных с государством. Такое понимание права довольно уязвимо при сопоставлении со многими социальными и ментальными явлениями, однако, вполне работоспособно в обеспечении жизнедеятельности общества. Кажется, не известно ни одного правопорядка на земле, в котором бы понятие права выступало в каком-нибудь ином виде.

Будучи объемным и многогранным социальным явлением, право тем не менее в целом носит обслуживающий, инструментальный характер по отношению к иным социальным феноменам: власти, морали, религии и т.п. и родовой сущности не имеет. Все попытки наделить его этой сущностью, то ли в виде свободы, то ли в виде справедливости, то ли в виде равенства и т.п. пока не увенчались успехом.

В современной отечественной юриспруденции модна, как это ни парадоксально, старая, каноническая традиция критики позитивистской школы права, которая насчитывает более ста лет. Это своего рода правило «хорошего тона», которому следуют и профессура, и аспиранты. Однако все претензии при этом предъявляются не собственно праву, а той реальности, которую право «регулирует». Например, Лукьянова пишет: «Господствующая ныне теория права в ее позитивистско-волюнтаристском варианте неизбежно ведет к волюнтаризму в социально-политической практике и апологии существующего порядка, в науке — к релятивизму и агностицизму и закономерной деградации»¹⁹. Обычно такого рода критика свидетельствует о гипостазированной позиции самого критика, т.е. наделении им самостоятельной сущностью того, что на деле является только свойством, отношением чего-либо. Здесь нужно напомнить, что всякая научная теория сначала изучает практику, а потом ее объясняет. Если же кому-то хочется создать иную «реальность», то можно почитать труды по постмодернизму, научной фантастике или «фэнтэзи». Вообще многие работы и диссертации в современной России, в том числе и по правовой тематике, можно подвести под этот жанр. Между прочим, в подобного рода критических работах часто также наблюдается наличие стыдливых эвфемизмов — критикуют (ругают) право, вместо того, чтобы ругать лиц, издавших критикуемые нормы.

Из ритуальной аморфной критики позитивизма как общей моды несколько выделяются ситуации, когда мишенью для критики является позитивизм как научная теория в лице ее ярких представителей и соответственно защитников. Это более корректный вариант, поскольку безадресная критика — это мода, полемика же — это действительно научное развитие и в понятие моды не вписывается. С такого рода заявлениями выступает видный отечественный ученый, теоретик права, известный яркими работами в сфере правовой методологии В.М. Сырых²⁰. Так, в одной из работ он обрушился на известных российских ученых, профессоров О.Э. Лейста и М.И. Байтина, которые дей-

¹⁹ Лукьянова Е.Г. Состояние современной российской теории права в контексте развития // Юридическое образование и наука. 2014. № 1 // СПС КонсультантПлюс.

²⁰ Сырых В.М. Неоплатные долги позитивистской доктрины права / Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: К 60-летию А. В. Полякова. Коллективная монография: в 2 т. Т. 1. Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова; предисл. Д.И. Луковской, Е.В. Тимошиной. СПб., 2014. С. 127–144. См. также: Сырых В.М. Застарелые недуги позитивистской доктрины права // Право и государство. 2014. № 2. С. 38–44.

ствительно последовательно отстаивали позитивистский взгляд на право, правда, не без некоторых уступок современному политическому «мэйнстриму» в виде теории правового государства и иных модных идеологических веяний. Уважаемым профессорам были предъявлены претензии по всему спектру спорных проблем и, кроме того, упреки в том, что они непоследовательно признали теорию правового государства. Как утверждает В.М. Сырых, «адепты позитивистской доктрины не спешат творчески осмыслить положения коммуникативной теории права, аргументированно отвергнуть ее критику, либо признать ее справедливость и предпринять действенные шаги по устранению отмеченных недостатков, по приведению своей доктрины в логически целостную и достоверную систему знаний»²¹. «Между тем, — продолжает он, — от обстоятельного научного анализа критических замечаний своих оппонентов юридические позитивисты упорно уклоняются уже не одно столетие»²². Это серьезное обвинение. Однако у обвиняемых в уклонении от дискуссии «уже не одно столетие» есть серьезное оправдание — они уже покойники.

Собственно, в теоретической юриспруденции наблюдается та же самая картина, что и в социологии, когда «многочисленные ниспровергатели «позитивизма» сначала рисуют заведомо упрощенный, утрированный и отталкивающий образ этого нехорошего явления, а затем успешно доказывают его несостоятельность. При этом оно в действительности не существует нигде, кроме как в истолкованиях самих ниспровергателей»²³. Так, например, Сырых бросает правовому позитивизму довольно серьезные политические обвинения, когда пишет: «Современным правоведам следует все же перестать держаться за позитивистскую доктрину на том, основании, что она наилучшим образом оправдывает законодательный произвол авторитарно ориентированной государственной власти»²⁴. Думается, что власть творит произвол вне зависимости от того, каких теорий придерживаются ученые-юристы. Самые яркие акты государственного произвола обычно создаются как раз под непозитивистскими правовыми лозунгами: лихая танковая атака на отечественный парламент в октябре 1993 года оправдывалась ссылками на демократию, конституционализм, права человека и т.п. непозитивистские ценности.

Многим исследователям, которым, наверное, трудно идти против моды на критику позитивизма, приходится искать «оправдание» своей позиции. Видный отечественный теоретик права М.Н. Марченко создал понятие «умеренный позитивизм», правда, при этом честно предупреждая: «В процессе своего существования и функционирования правовое государство, равно как и любое иное государственное образование, неизбежно наряду с другими видами деятельности... будет творить свое право. И это право будет, если не вдаваться в утопию и иллюзии насчет природы и характера правового государства как института «социальной силы, обладающей верховной властью», не чем иным, как **позитивным правом** со всеми его традиционными признаками и вытекающими из этого последствиями»²⁵.

Интересный ракурс, рассматривая моду на критику позитивизма, выделил А.Б. Гофман. Поскольку нынешние стандарты научности при всей их модернистской и пост-

²¹ Там же. С. 128.

²² Там же. С. 129.

²³ Гофман А.Б. Указ. соч. С. 23.

²⁴ Сырых В.М. Застарелые недуги позитивистской доктрины права. С. 44.

²⁵ Марченко М.Н. «Умеренный» позитивизм и верховенство права в условиях правового государства // Государство и право. 2012. № 4. С. 5.

модернистской критике носят печать позитивизма, то ниспровержение позитивизма ведет к устранению и этих стандартов. Философский модный «мэйнстрим» предлагает отрешиться от позитивистских оков и перейти на более легкий путь методологии постмодернизма. В теории права пока серьезных движений в этом направлении нет. Но нами найден интересный пример с едва ли не единственной юридической диссертацией по вопросам моды, автор которой утверждает, что в ней впервые в отечественной криминологии исследована проблема взаимосвязи моды и преступности, понимаемых как явления, в равной степени коренящиеся в области индивидуального и коллективного подсознательного. При этом также впервые анализ материала осуществлялся, как заявляет диссертант, с *антипозитивистских* позиций через применение методов постструктурализма, семиологии, неотрейдизма. Для иллюстрации отказа от позитивистских критериев исследования первое положение, выносимое диссертантом на защиту, звучит так: «На подсознательном уровне индивидуальный психический механизм модного поведения приводится в действие сексуальным инстинктом, т. е. либидо. Либидиальный аппарат моды составляют врожденная способность человека к подсознательному копированию чужого поведения, обладающего сексуальной значимостью, а также его постоянная тяга к новизне и одновременно страх перед ней, основанные на комплексе неполноценности, которые ориентируют субъекта при поиске оптимального сексуального партнера на соблазненное»²⁶. Наверное, недалек тот час, когда стараниями борцов с позитивизмом теория права в учебных аудиториях будет излагаться «с *антипозитивистских* позиций через применение методов постструктурализма, семиологии, неотрейдизма».

Мода на правопонимание

С модой на критику позитивизма соседствует такая заполонившая все научные издания ее разновидность как претензии на создание своего варианта правопонимания в дополнение к классическим. Так, к классическим школам, альтернативным позитивизму, можно отнести школу естественного права, психологическую школу права, социологическую школу права с их многочисленными разновидностями. Поскольку мода постоянно требует обновления, то таковыми на настоящий момент можно назвать различные теоретические конструкции, навеянные современными направлениями в западной философской мысли, центральное место в которой еще недавно занимал постмодернизм. Таких концепций довольно много. В.В. Лапаева делит их по философским направлениям: феноменологические, герменевтические, экзистенциальные, коммуникативные и иные (в основном, синтезирующие) концепции права²⁷. И.Л. Честнов в своей монографии, посвященной постклассической теории права, выделяет либертарное правопонимание, экономический анализ права, диалогическую антропологию права²⁸. Данной моде на умножение правопонимания способствует большое количество переводной философской и обществоведческой литературы, позволяющей применить ту или иную философскую схему к праву, и на этой основе создать оригинальный, в некотором смысле, продукт. Кроме того, ряд современных подходов появляется в процессе междисциплинарных исследований и применения иных теорий: синергетики, теории

²⁶ Александрова И.А. Мода и преступность: Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1998. С. 3–11.

²⁷ Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012. С. 190–220.

²⁸ Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб, 2012. С. 549–639.

информации, интегрального подхода, теории управления, системного анализа²⁹. Сам по себе этот процесс заслуживает только одобрения, поскольку исследователи здесь как разведчики проводят «разведку боем» проверяя разные варианты с целью продвижения правовой теории.

Правда, существуют и разработки, прямо не апеллирующие к заграничным теоретическим конструкциям, а развивающие свою отечественную линию. Как правило, это подходы, опирающиеся на религиозные доктрины. Вполне возможно, что эти отечественные теории правопонимания также способны конкурировать на рынке модных интеллектуальных продуктов.

Однако есть и другие мнения. Так, Е.Г. Лукьянова пишет: «Главной задачей современной теории права является обоснование сущности или идеи права (понятия права) и изучение общих закономерностей ее реализации в социальной действительности. Именно обоснование, а не поиск и открытие, т.к. история правовой мысли очевидно свидетельствует, что таковое уже известно»³⁰. Оказывается, по ее мнению, такое открытие сделал сотню лет назад Б.Н. Чичерин, когда писал, что начала права «давно были выяснены высшими умами, которые были светильниками человеческой мысли. Только реализм, отвергающий мысль во имя бессмыслицы, не хочет их ведать»³¹. Что ж, для каждого ученого сильны свои аргументы — чем дальше от реализма, тем лучше.

Негативной стороной проблемы правопонимания является как раз массовость комментаторов. Во многих работах к месту и не к месту авторы начинают рассмотрение своей проблемы с характеристик существующих школ правопонимания, в тысячный раз повторяя установившиеся здесь штампы. Это ведет к некоторой недобросовестности отдельных авторов, поскольку любую научную работу можно критиковать, просто перейдя на позиции иных школ правопонимания. Так, вполне вменяемое решение государственной власти можно объявить произволом с точки зрения либертарной концепции или школы естественного права, и наоборот. Конечно, самым полным будет взгляд на исследуемый предмет с точки зрения всех основных правовых школ, это своего рода идеал исследовательской методики. Но здесь часто результатом будет констатация противоположности подходов без обоснования истины. Остановить поток комментариев правопонимания в настоящий момент скорее невозможно, однако и научного результата здесь ждать не приходится, потому что все они заканчиваются примерно следующим бесспорным утверждением: «На данном этапе развития нашей юридической науки самой актуальной методологической проблемой остается правопонимание. Задача российского правоведения сегодня не в том, чтобы объяснить, каким право должно быть, и заставить верить в конкретные правовые идеалы (это одна из целей правовой политики), а в том, чтобы раскрыть его онтологическую структуру и смысл»³². Правда несколько ранее, рассматривая ситуацию в российском праве данный автор утверждал: «Наличие нескольких концепций правопонимания свидетельствует не о его кризисе, а является, наоборот, необходимым условием существования сложного общественного явления — права»³³.

²⁹ Сатолина М.Н. Современные тенденции развития теории права // Государство и право. 2014. № 4. С. 31–38.

³⁰ Лукьянова Е.Г. Указ. соч.

³¹ Чичерин Б.Н. Философия права / Чичерин Б.Н. Избранные труды. СПб, 1998. С. 71.

³² Мороз Е.В. Модернизация современного отечественного правопонимания (некоторые аспекты проблемы) // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 3 (40). С. 35.

³³ Мороз Е.В. Модернизация российского правопонимания как элемент социокультурной трансформации // Вестник КемГУ. 2013. № 2. С. 110.

Вообще все это постоянное комментирование школ правопонимания, в которое включены не только лучшие научные силы, но и научная молодежь, уже начинает раздражать. Это видно, например, по реплике В.В. Сорокина: «Резерв продуктивности «основных типов правопонимания» к настоящему моменту исчерпан. Перспективы познания истины в вопросе правопонимания видятся в отказе от либертарной парадигмы юснатурализма и позитивизма, раскрытии типологических особенностей русской правовой культуры и переходе от человекоцентризма к богоцентризму в понимании права»³⁴. Вряд ли постоянные диспутанты проблемы правопонимания готовы к продолжению дискуссии с подобного рода аргументами.

Мода на мифологичность права

Одним из модных веяний в теоретической юриспруденции последнего времени является мода на использование понятия «миф», а также его разновидности — бинарной оппозиции «миф или реальность». Трудно объяснить, чем он так понравился исследователям, скорее всего, навеян постмодернистскими конструкциями. Однако требования моды достаточно серьезны, и выход найден в различных вариациях на тему мифов. Действительно, между правом и мифологией есть исторические точки соприкосновения и можно говорить о праве в мифологии и мифологии в праве. В свою очередь, как отмечает Л.В. Сони́на, «мифология в праве распадается на два направления, требующих внимания исследователей. К первому относится комплекс отношений, связанных с архетипами, ко второму — собственно правовые мифы, т.е. конкретные построения, существующие в правовых отраслях, бытующие среди юристов»³⁵. Такого рода построенный довольно много³⁶. Журнал «История государства и права» в 2012 году целый номер посвятил юридической мифологии. Своего рода справочным изданием по вопросам правовой мифологии является работа В.П. Малахова «Мифы современной общеправовой теории». В ней последовательно описываются бытующие, по мысли автора, в теории права мифы: о научности юридической теории, о юридическом правопонимании, о развитии права, о правовом государстве, о гражданском обществе и т.п. Как отмечает в заключение автор, «хотя степень мифологизации, содержащейся в теоретических интерпретациях разных проблем общеправовой теории, неодинакова, тем не менее, можно с уверенностью говорить о том, что эта теория мифологизирована в целом, хотя бы в силу имманентности мифологического мышления мышлению в любой его общественной форме»³⁷. Такой подход напоминает известный «парадокс лжеца» в том смысле, что поскольку все миф, то утверждение о том, что все в теории права — миф, также является мифом. Однако, как замечает В.Н. Сыров, «даже если полагать, что миф есть все и все есть миф, то для определения сущностных черт мифа неизбежна операция его сравнения (явного или неявного) с чем-то иным, а значит, необходима позиция сторон-

³⁴ Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2007. С. 70.

³⁵ Сони́на Л.В. Право и мифология // Российский юридический журнал. 2009. № 1. С. 23.

³⁶ См. напр.: Грязин И.Н. Право есть миф // Правоведение. 2011. № 5. С. 72–95; Сорокина Ю.В. Мифы и символы в праве // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2014. № 3 (15). С. 44–61; Рыбаков В.А. Законность: миф или реальность? // Вестник Омского университета. 2014. № 3 (40). С. 6–8; Лукашева Е.А. Мифологизация политической и правовой жизни. М., 2015.

³⁷ Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории. М., 2013. С. 150.

него наблюдателя или дешифратора»³⁸. В.П. Малахов также ставит задачу демифологизации: «В состоянии ли наука обеспечить демифологизацию? По нашему мнению, нет. Преодоление мифичности в мышлении — дело философии. Именно философия, а не наука противоположна мифологии, хотя генетически сродни мифологии и выросла из нее»³⁹. Прежде чем согласиться с данным мнением или объявить его очередным мифом, следует все же прояснить предмет. Понятие мифа имеет много различных характеристик, 9 из них Малахов указал в своей работе. Однако использование их в современном правовом дискурсе в контексте нашего исследовательского интереса сводится в основном к одной-двум: миф — это выдумка, вымысел, связанные с преувеличением некоего состояния, свойства, отношения и т.д., наиболее часто сопряженный с политико-правовой идеологией. Примерно такое понимание мифа констатируют современные словари по социально-политической тематике. Отсюда понятны истоки тех мифических конструкций, которыми действительно наполнены и научные труды, и учебники по юриспруденции. Однако их «расмифологизация» совсем не требует обращения к философским технологиям, которые и сами порой предельно мифологизированы. Борьба с мифом, как и с любой выдумкой, ведется средствами факта и логики. В юриспруденции как области социального знания, прочно опирающегося на социальную практику, таких средств более чем достаточно. Поэтому в структуре юриспруденции как науки можно четко определить те поля, на которых мифологизация по тем или иным причинам допустима (отсутствие твердых, научно установленных фактов, текущее состояние реальности, неразработанность теоретических конструкций, принципиальная невозможность установления твердых теоретических конструкций и т.п.), и те, на которых всякая мифологизация означает или, мягко говоря, научную недобросовестность, или сознательное вредительство. Те положения, которые отметил Малахов, анализируя различные мифы применительно к основным конструктам общеправовой теории, имеют различные основания и причины. Чаще всего речь идет о недостатках в развитии теории, которые объясняются как некачественной исследовательской практикой, так и действительно широким влиянием идеологических фантомов. Так, еще не успел в свое время президент страны сказать о «суверенитете личности», как в социальных науках появились соответствующие теоретические конструкции. То же самое произошло и с «суверенной демократией».

Еще одной причиной существования моды на мифичность является чисто драматургическое явление — мода на эпатаж. Объявить мифом все, что угодно и при этом мудро обозревать публику — это довольно привычная ситуация, которая многократно повторяется в различных частях общественного дискурса. Это вполне художественный прием, а, как известно, мода тесно связана с эстетическими вкусами. Эпатаж — это, прежде всего, красиво.

Нужно отметить, что работы, в названии которых встречаются оборот типа «миф о...», как правило, имеют двоякого рода содержание. В одних ставится задача разоблачения существующих мифов в той или иной исследуемой проблеме и своего рода «исправление имен». В других — связь с мифом является указанием на родовую травму и несовместимость объекта с жизнью. Собственно, модными являются и те, и другие, поскольку некритически используют популярный концепт. А, в общем-то лучше было бы оставить его философам и антропологам. Мифы — это их хлеб.

³⁸ Сыров В.Н. В чем заключается специфика мифа? // Идеи и идеалы. 2011. № 4(10). С. 76.

³⁹ Малахов В.П. Указ. соч. С. 150.

Мода на утилитаризм

Под модой на утилитаризм мы понимаем специфическое отношение юриспруденции как теоретической сферы со сферой практической. Речь, собственно идет о том, как специалистам теоретической юриспруденции обеспечить себе условия для научной работы. Надо отметить, что в данном отношении юристы имеют большое преимущество перед представителями других социальных наук, например, социологами. Правовая сфера общества является огромной, и при этом она все время расширяется, происходит юридикация общественных отношений. Уже трудно назвать социальные уголки, куда бы ни проникли государственные законы и их служители. Образно говоря, закон сопровождает человека «от роддома до кладбища» и нигде не оставляет его без навязчивого внимания и покровительства. Правда, это поле деятельности не только теоретиков, тем не менее, объем использования юридических теоретических разработок гораздо шире и конкретнее, чем у теоретиков социологии, которые вынуждены в основном ютиться в учебных заведениях и в нескольких исследовательских фондах.

После известных политических событий 1990-х годов, когда социальная наука вырвалась так сказать на «свободу», и наступил «звездный час» гуманитариев, социологи и юристы находились в примерно равном положении. Общество нуждалось и в экономистах, и в социологах, и в юристах, и в психологах. Конкурсы в гуманитарные вузы «зашкаливали», востребованность новых специалистов была огромной. Однако уже к 2000-м годам ситуация стала меняться. В конкурентной гонке вперед вырвались экономисты и юристы, профессия которых была связана с утилитарными общественными и бытовыми проблемами и обеспечивала «кусочек хлеба с маслом». В иных гуманитарных сферах начались процессы фильтрации, и почти единственной сферой их приложения остался образовательный процесс. Дольше всех держались политологи, однако с изменением в политической и избирательной системах, и они по большому счету утратили в массовом сознании привлекательность своей профессии.

Тем не менее, одним из постоянных мотивов в выступлениях юристов — теоретиков является их невостребованность властью. Кроме пары научно-исследовательских федеральных институтов, вся остальная часть теоретиков государства и права отдает себя высшей школе. Иные органы власти, в том числе и законодательные (кроме федеральных) откровенно тяготеют обсуждением перспектив научной рефлексии их сферы ответственности и управления. И хотя в области правового регулирования общественных отношений постоянно фиксируется множество ошибок, которых можно было бы избежать при проведении настоящей научной экспертизы, однако законодатели исходят из убеждения, что «право — это искусство добра и справедливости», и в искусстве важен талант, а талант дан Всевышним именно тем, кому в данный момент доверено нажимать кнопки для голосования.

Поэтому часть теоретиков права посвятила себя написанию учебников и учебных пособий. Этот специфический жанр заполнил все издательские комплексы. Каждый юридический институт считает хорошим тоном иметь свои учебники, благо это неплохо при различного рода аттестациях. О качестве этих учебников, как правило, никто не беспокоится. Некоторые из них не могут в принципе считаться учебниками в том смысле, что ни один среднестатистический студент никогда не сможет их осилить. Чем объясняется эта мания производства учебников? О гонорарах, как правило, говорить не приходится. Если автор сам не продаст студентам свою продукцию или не добьется рыночной «раскрутки», то материальный интерес здесь невысок. Вместе с тем, само по себе звание

«автор учебника» (для ученых моральный фактор имеет большое значение) позволяет несколько повысить свои конкурентные преимущества в гонке за «шабашкой» и «халтурой» в различных вузах, а также безболезненное прохождение очередной аттестации, что при современной государственной и научной политике является важным. В этом смысле учебник выглядит более весомо, чем даже талантливая монография, не говоря уж о серии научных статей. Однако само по себе массовое производство учебной литературы, которое поразило все социальные науки, не было бы столь заметным, если бы не деградация этой литературы. Наводнение рынка всякими пособиями для «ленивых студентов», «шпаргалками», «теория государства и права за 3 часа», «за день до экзамена», «сам себе адвокат» и т.п., т.е. стремление «лечь ковром» под ноги клиента, покупателя, заказчика — это как раз и бросается в глаза при анализе модных тенденций академической жизни.

Надо ли моде противостоять? Во-первых, моду нужно изучать, и давать себе отчет о процессах, происходящих в науке. К сожалению, приходится признать, что в теоретической юриспруденции тенденция саморефлексии не развита, и вполне можно согласиться с мнением С.В. Липеня, что к настоящему времени системная постановка науковедческих проблем в теории права отсутствует⁴⁰. Среди таковых особое место должны занять вопросы о критике и борьбе мнений в науке, свободе критики, недопустимости монополизма и догматизма. Здесь хочется поддержать также суровую оценку, современного состояния теоретической юриспруденции, данную И.Л. Честновым, пристально занимающимся ее эпистемологическими проблемами: «Оторванность юридических категорий и конструкций от правовых нужд, несоответствие догм и доктрин теории практике — вот главная проблема современной юриспруденции, включая отраслевые дисциплины. Если законодательство (например, Конституция) не «работает» на практике, то оно дискредитируется; если же оно понятно только для специалистов, то также подвержено эрозии отчуждения»⁴¹. Именно критика со стороны социальной практики есть то очищающее начало, которое может эффективно противостоять развитию всякой научной «моды», помочь увидеть действительное одеяние модных научных «королей», вовремя обратить внимание и пресечь псевдонаучные поползновения в сторону модных, но научно несостоятельных тенденций.

Библиография

- Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 43–54.
- Гофман А.Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. М.: Издательство КДУ, 2013. 228 с.
- Гофман А.Б. О модах в современной теоретической социологии // Социс. 2013. № 10. С. 21–28.
- Грязин И.Н. Право есть миф // Правоведение. 2011. № 5. С. 72–95
- Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М.: Российская академия правосудия, 2012. 580 с.
- Липень С.В. Проблемы структурирования и развития научного знания // Lex Russica. 2013. № 10. С. 1047–1055.
- Лукашева Е.А. Мифологизация политической и правовой жизни. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 272 с.

⁴⁰ Липень С.В. Проблемы структурирования и развития научного знания // Lex Russica. 2013. № 10.

⁴¹ Честнов И.Л. Практическая, человекоцентрическая юриспруденция — выход из тупика догматизации права / Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? / Проблемы изучения и преподавания. М., 2013. С. 48.

Лукьянова Е.Г. Состояние современной российской теории права в контексте развития // Юридическое образование и наука. 2014. № 1. С. 31–34.

Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории. М.: ЮНИТИ, 2013. 151 с.

Малько А.В. Теория правовой политики. М.: Юрлитинформ, 2012. 312 с.

Марченко М.Н. «Умеренный» позитивизм и верховенство права в условиях правового государства // Государство и право. 2012. № 4. С. 5–11.

Медушевский А.Н. Кризис права как проблема теоретической юриспруденции / Право и общество в эпоху перемен. М.: ИГП РАН, 2008. С. 89–112.

Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М.: Юрлитинформ, 2007. 456 с.

Сырых В.М. Застарелые недуги позитивистской доктрины права // Право и государство. 2014. № 2. С. 38–44.

Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 650 с.

Phenomenon of Fashion in Theoretical Jurisprudence

Michael Kozyuk

Associate Professor, Department of Theory and History of Law and State, Russian Academy of National Economy and State Service, Volgograd Branch, Candidate of Juridical Sciences. Address: 19 Yasnopolyanskaya Str., Volgograd 400094, Russian Federation. E-mail: mkozuk@yandex.ru

Abstract

Fashion is not only part of life but of science as well. The most interesting works on fashion in science have been published by Russian sociologist, Professor at the National Research University Higher School of Economics A. B. Gofman. His papers enable to consider this phenomenon in terms of theoretical jurisprudence. According to the author of the article, currently, different concepts which are not directly linked to the quest of scientific truth have come into fashion. Considering the existing *fashions*, the author gets fairly skeptical as to their heuristic capabilities. In particular, the concepts are highlighted such as those related to the alleged crisis of law, the invention of new legal phenomena by adding the adjective *legal*, criticizing positivism of law, the problem of understanding law, legal policy and some other buzzwords (mythology, utilitarianism). To support his idea, the author presents examples of current scientific publications. The author also draws attention to the typical complaints of legal scholars to their negligence by the representatives of state. While in the legal regulation of public relations many inaccuracies occur, lawmakers often ignore such forms of communication s with science, which leads in turn to a new fashion, i.e. *utilitarianism* -the need for scientists to engage in various types of waste “fisheries”: writing every countless textbooks and manuals, spark notes, even courses such as Theory of State and Law in Three Hours. Is it possible to reduce the influence of such fashion? According to the author, fashion should be studied and reflect on the recent trends. As many scholars claim, theoretical jurisprudence is deprived of self-reflection and the theory of law lacks fundamental problems. However such problems as dispute of opinions in science, freedom of criticism, the inadmissibility of monopolism and dogmatism require a closer attention.

Keywords

theory of state and law, fashion, crisis in law, legal policy, positivism, legal myths, critique in law.

Citation: Kozyuk M.N. (2016) Phenomenon of Fashion in Theoretical Jurisprudence. *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*, no 3, pp. 219–234 (in Russian)

DOI: 10.17323/2072-8166.2016.3.219.234

References

- Chestnov I.L. (2012) *Postklassicheskaya teoriya prava* [Postclassical Theory of Law]. Saint Petersburg: Alef-Press, 650 p. (in Russian)
- Gofman A.B. (2013) *Moda i lyudi. Novaya teoriya mody i modnogo povedeniya* [Fashion and People. New Theory of Fashion Fashionable Behaviour]. Moscow: KDU, 228 p. (in Russian)
- Gofman A.B. (2013) O modakh v sovremennoy teoreticheskoy sotsiologii [On Fashions in Modern Theoretical Sociology]. *Sotsis*, no 10, pp. 21–28.
- Gryazin I.N. (2011) Pravo est' mif [Law is a Myth]. *Pravovedenie*, no 5, pp. 72–95
- Lapaeva V.V. (2012) *Tipy pravoponimaniya: pravovaya teoriya i praktika* [Types of legal consciousness: Legal Theory and Practice]. Moscow: Russian Academy of Jurisprudence. 580 p. (in Russian)
- Lipen' S.V. (2013) Problemy strukturovaniya i razvitiya nauchnogo znaniya [Problems of Structuring and Developing Scientific Knowledge]. *Lex Russica*, no 10, pp. 1047–1055.
- Lukasheva E.A. (2015) *Mifologizatsiya politicheskoy i pravovoy zhizni* [Myths in Political and Legal Life]. Moscow: Norma, 272 p. (in Russian)
- Luk'yanova E.G. (2014) Sostoyanie sovremennoy rossiyskoy teorii prava v kontekste razvitiya [Current Russian Theory of Law in Perspective]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka*, no 1, pp. 31–34.
- Malakhov V.P. (2013) *Mify sovremennoy obshcheppravovoy teorii* [Myths of Modern Common Law Theory]. Moscow: YUNITI, 151 p. (in Russian)
- Mal'ko A.V. (2012) *Teoriya pravovoy politiki* [Theory of Legal Policy]. Moscow: Yurlitinform, 312 p. (in Russian)
- Marchenko M.N. (2012) «Umerenny» pozitivizm i verkhovenstvo prava v usloviyakh pravovogo gosudarstva [Moderate Positivism and Rule of Law in Legal State]. *Gosudarstvo i pravo*, no 4, pp. 5–11.
- Medushevskiy A.N. (2008) Krizis prava kak problema teoreticheskoy yurisprudentsii [Crisis of Law as an Issue in Theoretical Jurisprudence]. *Pravo i obshchestvo v epokhu peremen* [Law and Society at the Time of Changes]. Moscow: IGP RAN, pp. 89–112.
- Sorokin V.V. (2007) *Ponyatie i sushchnost' prava v dukhovnoy kul'ture Rossii* [Concept and Essence of Law in Spiritual Culture of Russia]. Moscow: Yurlitinform, 456 p. (in Russian)
- Srykh V.M. (2014) Zastarelye nedugi pozitivistskoy doktriny prava [Ills of Positivism Doctrine]. *Pravo i gosudarstvo*, no 2, pp. 38–44.
- Vlasenko N.A. (2013) Krizis prava: problemy i podkhody k resheniyu [Crisis of Law: Issues and Approaches]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, no 8, pp. 43–54.